

Торжество социалистической демократии

бирательных округах, где баллотировались ближайшие соратники товарища Сталина — товарищи Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов, Микоян, Бугагин, Каганович, Андреев, Хрущев, Босыгин, Шверник, Суслев, Пономаренко, Шкирятов. — повсюду народ с радостью отдал за них свои голоса. Кандидаты исторически сложившегося блока коммунистов и беспартийных, блока, который доказал свою жизнеспособность и жизнестойкость, получили абсолютное доверие своих избирателей. Перушное единство советского народа ярко выразилось в законных выборах, которыми заполнены тысячи и тысячи бюллетеней:

«Голосуя за Сталина, за мир, за жизнь, за счастье на земле».

«Сталин — наше счастье, наша радость, наша уверенность в прекрасном будущем».

«Слава великому Сталину!».

«Сталин — это мир и счастье».

«Да здравствует Сталин, наш родной отец, учитель и вождь!».

«Слава великому Сталину, генеральному вождю коммунизма!».

Волы советского народа выразились в новых социалистических обязательствах коллективов заводов и фабрик, колхозов и совхозов, институтов и лабораторий. Советский народ, начиная свою послеполитическую пятилетку, торжественно обещал увеличить объем продукции всей промышленности в 1950 году на 48 процентов по сравнению с 1940 годом. Уровень 1940 года превзойден на 70 процентов. Значительно превышен довоенный уровень и по валовой продукции сельского хозяйства. Эти успехи обеспечили неуклонное повышение благосостояния и культуры народных масс. Новые обязательства свидетельствуют о решимости народа еще выше поднять производительность труда.

Нет в мире такой силы, которая могла бы поколебать эту народную волю. Ее живые источники заложены в мудрой политике партии Ленина-Сталина, политике родной, близкой, понятной и дорогой всему советскому народу.

Социальная роль Родины растет изо дня в день. Величественные сталинские сооружения, воздвигаемые на Волге и Днестре, Главный Туркменский канал, лесозащитные полосы, орошаемые миллионы гектаров земли, обводненные пустыни — все это вдохновляет народ, открывает перед ним светлые перспективы для творческих свершений, для трудовых подвигов во славу Родины.

Предстоящие выборы депутатов в республиканские Верховные Советы народ ознаменовывает новой могучей волной социалистического соревнования.

Прошедшие выборы в местные Советы еще выше подняли политическую активность трудящихся. В управленцию государством пришли сотни тысяч лучших сынов и дочерей, воспитанных социалистическим строем, нашей большевистской партией. Это люди, заслужившие всенародное уважение и доверие, доказавшие своим беззаветным служением Родине способность двигать наше Отечество вперед и вперед. Это люди, для которых интересы народа превыше всего.

Победа сталинского блока коммунистов и беспартийных на выборах в местные Советы тем величественнее, что она, эта победа, одержана в дни, когда в Соединенных Штатах Америка, в Англии, во всех странах, где у власти стоит капитализм, наиболее проявление свободы и демократии бесновито преследуется. В этих странах простые люди сданыны дьявольскими клещами реакции. В этих странах разгул дупителел прогресса стал явлением, узаконенным правящими кучками капитализма.

С именем Сталина наш советский народ одерживал победы за победой, перестраивая страну, превращая ее из отсталой аграрной в страну могучей передовой индустрии и коллективного сельского хозяйства. С именем Сталина мы отстаивали наше любимое Отечество от нашествия гитлеровских полчищ, спасли человечество от фашистского варварства. С именем Сталина мы восстанавливали разрушенное войной хозяйство. Именем Сталина мы назвали нашу эпоху, и с этим бесконечно дорогим именем мы растотм глядем в свое счастливое будущее — коммунизм, ибо мы — созидатели его.

В самом деле, есть ли еще на земле власть более массовая, более демократическая? Товарищ Сталин учит, что советская власть является наиболее интернационализацией из всех государственных организаций, ибо она, разрушая всякий национальный гнет и опираясь на сотрудничество трудящихся масс разных национальностей, облегчает тем самым объединение этих масс в едином государственном союзе.

Или жизненным солнцем Сталинской Конституции наш народ достиг небывалых в истории человечества успехов на всех фронтах хозяйственного и культурного развития. Эти успехи обусловлены великой идеей коммунизма, входящей в быт советского народа.

17 декабря 1950 года, завершающего года послеполитической пятилетки, порубежного года двух половинок века, войдет в историю как день торжества социалистической демократии, как день, в котором с предельной полнотой отразилась воля советских людей — отдать все свои силы, свое творческое дерзание строительству коммунизма, строительству самого совершенного общественного строя, к которому ведет нас мудрый гений беспредельно любимого вождя и проводника Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сведения, поступающие от избирательных комиссий, свидетельствуют о новой блестящей победе сталинского блока коммунистов и беспартийных. В Сталинском избирательном округе города Москвы за 31.452 человек, занесенных в списки, за всенародного кандидата товарища Сталина голосовали все 31.452 избирателя. В избирательном округе города Сталина, в котором голосовало 31.452 избирателя, за своего кандидата — великого Сталина.

Утро семнадцатого декабря. Пробило шесть. Распахнулись двери избирательных участков Сталинского избирательного округа Москвы. С музыкой и песнями идет молодежь Электровоза голосовать за своего кандидата — великого Сталина. Фото Е. ТИХАНОВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 122 (2713)

Вторник, 19 декабря 1950 г.

Цена 40 коп.

Георгий МАРКОВ

ПРАЗДНИК РОДИНЫ

Письмо в Маревску

1. Маревка стоит на высоком яру. По всему краю лет яра выше маревского. Отсюда хорошо виден весь прямой плес, от верхнего изгиба Ангара до се нижнего крутого поворота. Яльвиопская долина, покрывая курным леском, лежит, как на ладони. А вокруг Маревки — к северу и югу, к востоку и западу — по берегам рек и озер раскинулись стантовые охотничьи и рыбачьи, участки механизированных лесопунктов, базы геологических экспедиций...

На дальнем таежном стане Михаила Семеновича Лисицына был час сбора охотничьей бригады. Солнце перед закатом поблоровало. Она збушки горели пламенем. Светлыми пятнами был подернут сосновый лес, лохматый кедровник на противоположном берегу. Жарко пылал костер. Чайник с кипитком бульбак, урчал, постукивал, как живой. Сосновые стуча изредка потрескивали, весело попрыгивали золотые угольки, по берегу стался пахучий смоловой дымок.

Появление Петра Водомера встретили шумными возгласами. Его окружили, забрасывая вопросами, торопили. Михаил Семенович, бригадир, встал с толстого кедрового чурбана, уступая место молодому охотнику.

— Ну что, Петя, на белом свете делается? — высказал он всеобщее нетерпение и добавил: — Да ты садись, ноги, небось, гудят.

Молодой охотник пришел на таежный стан из Маревки. В течение трех вечеров там проходила своеобразная научная конференция, организованная сельским Советом. После теоретического доклада «О путях ликвидации противоположности между городом и деревней» выступили маревские практики в рассказах о своих делах, о местных возможностях. Взла слово и Петр Водомер, коммунист, депутат сельского Совета. Он подробно говорил о способах организации промысловых отраслей хозяйства в колхозе. Рассказывая теперь друзьям о конференции в Маревке, он обошлся все происходящее так:

— Короче сказать, разговор у нас вышел о коммунизме.

Несмотря на усталость, охотники беседовали до глубокой ночи. Они говорили о преобразованиях своего края, о новых великих стройках на Волге, на Аму-Дарье и на Днестре, о коммунизме, о мире и неизменно — о Сталине.

Когда Михаил Семенович Лисицын узнал, что по общественным и литературным делам я буду в Москве 17 декабря, он сказал:

— Никогда я никому не заиводвал, а тебе заиводю сейчас. Заивудю! — он молча прошелся, потом подошел ко мне совсем близко и с волнением продолжал: — Ты, вот что, — когда будешь за товарища Сталина голосовать, напиши на листке: «Все сибиряки, товарищ Сталин, сегодня, как один человек, голосуют за Вас. Вы наше счастье, наше солнце!»

Охотники окружили меня тесной стеной. И запомнил я еще наутра Петру Водомеру:

— И опиши нам все. Какая в этот день Москва будет, каких людей повстречаешь, как голосование пойдет. Все опиши.

2.

Я был в столице 17 декабря. Я опишу вам, дорогие маревцы, все, что видел и слышал в этот незабываемый день. И о людях рассказжу, с которыми познакомился в Москве, — о людях, которым выпало счастье голосовать за товарища Сталина.

В первом этаже гостиницы «Москва» был расположен избирательный участок. К началу голосования там собралось уже много народа. Но, удивительное дело, оба избирателя, точно сговорившись, зашли в это помещение на минутку, тотчас возвращались и спешили на улицу. Я тоже вошел в помещение избирательного участка и стал свидетелем такой сцены.

У стола, за которым производилась регистрация избирателей, остановилась женщина в добротном пальто и мягкой фетровой шляпе. Виски его отсвечивали седой.

— Вы, товарищ, хотите проголосовать у нас на участке? — обратилась к нему женщина, сядящая за стол.

— Я хочу проголосовать за товарища Сталина, — ответил приезжий и спросил: — Пожалуйста, скажите, как мне проехать в Сталинский округ?

Выходили мы вместе.

Моего спутника звали Мухтар Ашрафи. Ашрафи — композитор и дирижер, народный артист Узбекской ССР, лауреат Сталинской премии. Он рассказывал мне о десятилетиях литературы и искусства Узбекистана, которая состоит в Москве в 1951 году. В связи с подготовкой к декаде он и приехал в столицу.

Все эти дни Ашрафи знакомился по вечерам с новыми произведениями советской музыки. Он отбирал лучшее из них для исполнения в родной республике. И полное глубокое понимание показало мне то, что узбекский композитор назвал в числе отобранных молдавскую сюиту, украинские хоревые песни, произведения армянского и казахского музыкантов...

Над входом в Дом пионеров Сталинского района светятся слова, которыми в этот день были встречены миллионы людей во всех концах страны: «Добро пожаловать!» Здесь находится 1-й избирательный участок Сталинского избирательного округа города Москвы. Сюда стекаются в этот ранний час тысячи москвичей, сотни приезжих.

Я остановился у стола, за которым производилась выдача бюллетеней по удостоверениям приезжих. Люди тннулись непре-

рывным потоком, мелькали фамилии, названия городов, районов, сел, областей... Тут были и москвичи, пришедшие голосовать за товарища Сталина из других округов столицы, были дальневосточники, уральцы, ленинградцы, волжане и наши сибиряки. Русского сменил грузин, за казхом шел астероид, на место карела встал белорус. Люди, разные по возрасту, по национальности, по роду занятий и одинаковые по своей сплоченности вокруг большевистской партии, вокруг вождя народов — товарища Сталина.

Вот еще одно удостоверение привлекает внимание: «Послуда на право голосования № 2161. Баглаев Геннадий Федорович». Высокий плотный человек остановился у стола. Мы разговорились. Баглаев оказался по специальности инженером-теплотехником, а по должности — заместителем председателя межколхозного Совета по строительству Мало-Ленинской аэлектростанции. Приехал он в Москву прямо со строительной площадки, из Черноговщины.

На примере Мало-Ленинской станции, которую строят сейчас сорока вое колхозов района и которая электрифицирует весь район, можно проследить путь народной инициативы в стране Советов. Колхозники давно уже ставили вопрос об использовании торфяных болот, расположенных близ села Малая Девца, для электрификации. Колхозников поддержали местные партийные и советские органы. В село приехал опытный специалист-теплотехник. В его руках идея колхозников обрела первые реальные контуры, стала эскизным проектом. Академия наук Украины включилась в разработку проблем, связанных со строительством этой мощной колхозной электростанции, работающей на торфе. Затем конструкция, цифры, сроки стройки уточнялись на техосвете Министерства сельского хозяйства УССР. Инициативой колхозников Черноговщины живое заинтересовались в Москве...

Сейчас в Малую Девцу уже доставлено более сорока вагонов с оборудованием. Работает колхозный лесопильный завод, вводятся первые строения. Стройка началась!

Заканчивая рассказ, Геннадий Федорович Баглаев сказал с проникновенной задумчивостью и теплотой:

— Всем нашим добрым делам — Сталин отел!

Миллионы советских людей повторяют простые слова инженера межколхозной электростанции из Черноговщины. Все нашим добрым, славным, героическим делам — Сталин отел! С именем Сталина на устах шли на выборы все советские люди, где бы они ни жили, за каких бы кандидатов в местные Советы ни голосовали. В этот день все говорили о любимом вожде. И у людей укреплялось живое ощущение сплоченности своей личной судьбы с великой жизнью и деятельностью гения человечества Иосифа Виссарионовича Сталина.

Я повстречал на выборах уйгурку, лингвиста из Алма-Аты Айшу Шамяеву. Она является автором первого уйгурского алфавита на основе русской графики. Сейчас на этом языке уже издаются книги и газеты, готовится к защите первая диссертация. Шамяева приехала теперь в Москву в связи с изданием русско-уйгурского словаря на 50.000 слов. Случайная Айшу Шамяеву, представительницу обездоленного в прошлом народа, я понимал всю глубину ее любви к нашему вождю. Равнет культуру уйгур, счастье этого народа стали возможны благодаря мудрой заботе творца нашей Конституции — товарища Сталина...

Я понимал чувства, обуревавшие в этот день и Абдуллу Курбанова — ректора Туркменского государственного университета имени М. Горького. Этот самый молодой в стране университет открыт всего три месяца назад. Проректор приехал в столицу, чтобы разместить заказы на учебное оборудование: для этой цели уже в 1950 году было отпущено 10 миллионов рублей. Туркменский университет — 32-й университет в стране — создан по инициативе товарища Сталина...

И видел волнение, с каким рассказывал о будущем своего города сталинградский архитектор Вадим Ефимович Маслев. Он говорил о проектах, которые ему предстоит утверждать в Москве. Новый великопелный вокзал, восьмнадцатьэтажная дома по Аллее героев, Дворец труда на Сталинском проспекте... «Какие вдохновляющие просторы творчества у нас!» воскликнул архитектор. — Строительство Сталинградской ГЭС диктует нашему городу небывалые темпы роста». Он знал, сталинградцы, когда шел опускать бюллетень с именем вождя, что все это — и создание грандиозной волжской гидроэлектростанции, и восстановление славного города, и величавое его развитие — делается по инициативе товарища Сталина...

Понистине, всем нашим добрым делам — Сталин отел! Сияющие дали коммунизма, светлое будущее нашей великой Родины раскрывались перед нами, когда мы шли в этот ясный декабрьский день к гостеприимно распахнутым дверям избирательных участков.

3. Помню, дорогие маревцы, вы просили обязательно рассказать о человеке, который первым проголосует за товарища Сталина. Нелегко ответить на ваш вопрос: тысячи людей хотели бы первыми в этот день и были первыми. Иосиф Виссарионович баллотировался в местные Советы ряда крупнейших наших городов, и каждый избиратель мечтал о высокой чести отдать свой голос за родного Сталина.

Люди, приехавшие в Москву из дальних мест, подходили к урнам для голосования, как ползреды своих сел, городов, республик. Они знали, чувствовали, что вместе с ними голосует за того, кто ведет нас к коммунизму, все их земляки. Это большое и сложное чувство хорошо передала Анна Матвеевна Камкина.

Признаюсь, я была поражена встречей с ней. Стою в зале, наблюдаю за бесконечным человеческим потоком и вижу: идет знакомая женщина в темном пальто. Строгое волевое лицо, большие умные глаза, очки в простенькой металлической оправе. Так и есть, — землячка, старый иркутский педагог, инспектор Областного отдела народного образования. Велика Москва, а встретилась! Но Анна Матвеевна несколько не удивилась.

— Ну, что ж, — говорит, — в такой день да в таком месте мудро не встретиться. Уж если кто оказался в Москве, так обязательно — в Сталинский округ!

...И все же я могу ответить на ваш вопрос, дорогие маревцы. Могу написать о человеке, который первым голосовал за товарища Сталина в 1-м избирательном участке, что на площади Журавлева. И лучше всего рассказать об этом словами председателя участковой избирательной комиссии Зиначицы Никитичны Кондрашевой — начальницы цеха Электротрампового завода.

— Мы приступили к голосованию, — рассказывала она, — в шесть часов утра. Открываем двери — на площади собралось человек триста. Все хотят первыми голосовать. Вижу, стоит Виктор Иосифович Фрезеровщик Трансформаторного завода. Виктор Иосифович с начала пятилетки выполнил уже 24 годовых нормы. На предвыборном собрании заводского коллектива ему выпала честь первым выдвинуть кандидатуру Иосифа Виссарионовича Сталина в Московский областной Совет. Он первым и проголосовал...

Это право знатный фрезеровщик завоевал самоотверженным трудом, как и сотни других москвичей — электровозовцев, машинистов, ткачих комбината имени Щербакова, которые шли к избирательным урнам вместе с Виктором Иосифовичем. Небывалый влет социалистического соревнования сопровождал предвыборную кампанию по всей стране, повсюду простые советские люди голосовали за партию Ленина — Сталина, за нашу советскую жизнь, за нашего великого вождя не только словом, но и делом.

«Мы за Сталина!» — говорили они, и эти слова воплощались в центнеры золотой пшеницы и белоснежного хлопка, в тонны нефти, угля и металла, в кубометры леса, в научные открытия и новые романы, в поэмы и кантаты, в сложнейшие машины, грандиозные каналы, высотные здания, величайшие гидростанции.

Рассказ о советской жизни... Он получается сам собой, когда начинаешь рассказывать о людях, встреченных в Сталинском избирательном округе. Разные это были люди — московский стеколовцев, сталинградский архитектор, уйгурский филолог, туркменский ученый, сибирская учительница, узбекский композитор, инженер из Черноговщины... У каждого своя судьба, каждый приехал по своему делу из своей республики, области, города, деревни. Но сложились судьбы этих людей, соединились волею их разнообразнейших дел, оживились мысленным взором все районы страны, откуда приехали они в столицу, — и чудесная картина неиссякаемой животворной силы наших Советов раскрывается перед вами во всем своем величии и многообразии.

Сейчас уже поздний вечер. Из моего окна хорошо видна одна из кремлевских звезд. Лучистый рубиновый свет ласкает душу. Нога уже, пожалуй, кончат это письмо, но мне вспоминается еще одна сегодняшняя встреча, во время которой я поумал о вас, дорогие земляки.

В зале голосования появились несколько человек — мужчины в цветастых кашне и широких пальто и женщина с хуловым лицом и живыми глазами. Иностранная делегация. Зиначица Никитична Кондрашева познакомилась со гостями, и оказалось, что это венгерские писатели во главе с министром просвещения Венгрии писателем Иожефом Лараши.

Я не буду подробно описывать содержание нашей беседы, скажу только, что когда венгерские друзья узнали, что я из Иркутска, из Сибири, они забрали меня вопросом: Правда ли там писателей? Как мы печатаем свои произведения? Я рассказывал им, что у нас, в Иркутске, десять вузов, что есть отделение Союза советских писателей, «свое книгоиздательство, ряд газет... И о вас рассказывал, маревцы, как охотитесь в тайге и думаете о своих «местных возможностях», о том, как приблизить коммунизм.

— Какой изумительный рост! — воскликнула поэтесса Шаролта Лант. — Давно ли мы считали, что Сибирь где-то на «краю света»? А теперь мы учимся у вас строить новую жизнь!

Мы можем гордиться, друзья! На нас с упованием смотрит все прогрессивное человечество. Народы-братья — венгры, китайцы, болгары, чехи, поляки, румыны, албанцы — участв у нас прокладывать каналы, строить электростанции, высаждать леса, выращивать высокие урожаи. Сотни миллионов людей учатся у нас самому главному — полнному демократизму, великому патриотизму, единству в борьбе за торжество идей Ленина — Сталина!

Международные

Отклики

КОММУНИКЕ ТРУМЭН — ЭТЛИ В ДЕЙСТВИИ

Не успел еще господин Эттли вернуться домой, как в Вашингтоне заговорили о практических мероприятиях, направленных к осуществлению агрессивного англо-американского плана.

Пальма первенства в поджигательском соревновании врагов мира, как и следовало ожидать, принадлежит господину президенту. 15 декабря эфрейтор вашингтонских факультетов преподнес миру развернутую программу подготовки новой мировой войны. «Мы будем увеличивать нашу армию, флот и военно-воздушные силы, — заявил Трумэн, — и производим больше оружия для нас самих и для наших союзников...» Военная истерия, раздуваемая президентом, используется для нового наступления на жизненный уровень американского народа. «Для того чтобы достаточно быстро производить необходимое нам оружие, — заявил Трумэн, — нам придется урезать гражданское производство по многим линиям...» Многим из вас придется больше работать на заводах, фабриках и шахтах... Придется выплачивать больше налогов и обходиться без тех вещей, которые нам нравятся... До минимума будут сокращены «военные расходы в новом федеральном бюджете». Трумэн с яростью набрасывается на железнодорожников, заботовка которых частично парализовала американскую железнодорожную систему. «Эта забастовка, — жалуются Трумэн, — уже начала сокращать производство нашей промышленности. Она мешает переброскам войск, она задерживает поставки вооружения для наших действующих сил...» Во имя интересов монополий, нуждающихся в военных прибылях, президент требует отмены всякого рода забастовок, требует от американского народа полной покорности.

Заключительным аккордом этой истерической симфонии является объявление 16 декабря чрезвычайного положения в стране, что, по словам самого президента, «спотребует от каждого гражданина поступиться своими личными интересами ради блага нашей страны» (цитат: императрицы США. — Лит.).

Враги мира продолжают раздувать военную истерию, грозить народам войной. Однако в буржуазную печать ныне все больше проникают критические замечания по адресу авантюристического курса Трумэна и Эттли, отражающие настроения определенных более тревожно настроенных кругов. Так, буржуазная американская газета «Чикаго трибун» пишет: «Политиканы, поставившие свою страну на грань банкротства путем превращения ее в военный лагерь, почти готовы развязать войну, чтобы оправдать вызванную ими дезорганизацию...» Война «станет неизбежной, если мы позволим военной истерии в Вашингтоне... навязать нам план мобилизации».

Газета справедливо опасается катастрофических результатов гибельной политики Трумэна, боится роста народного сопротивления англо-американскому агрессивному плану. Видно, даже в буржуазных кругах начинают сознавать, что подписи господ Трумэна и Эттли далеко еще не означают согласия английского и американского народов платить своей жизнью за прибыли финансовых магнатов.

МАНЕВРЫ

ГОСПОДИНА АДЕНАУЭРА

В бюнкских правых кругах парит явная растерянность. Инициатива премьер-министра Германской демократической республики Отто Гротевольда, предложившего начать переговоры о создании Общерейнского учредительного совета из представителей Восточной и Западной Германии, произвело в Бонне впечатление разорвавшейся бомбы. «В бюнкских правых кругах не скрывают, — сообщает парижское радио, — что дельмарш Отто Гротевольда поставил в затруднительное положение федеральное правительство».

Чем же вызван этот перелом? Бюнкское «правительство» заняло провешением в жизнь американских планов ремиляризации Западной Германии. По приказу из Вашингтона делается попытка воссоздать агрессивную немецкую армию. При этом «федеральный канцлер» не считает нужным скрывать зачаток этой будущей армии, нагло провозглашая старый гитлеровский лозунг: «Дранг нах остэн».

«Я заявляю, что все наши помыслы, все устремления направлены к единой цели — к возвращению нашего немецкого востока», — сказал недавно Аденауэр. Затруднительное положение «кабинета» Аденауэра заключается в следующем: решив отклонить предложение Гротевольда, означавшее шаг к восстановлению единства Германии, грошащее сырым агрессивным планом американских империалистов, бюнкский премьер боится открыто заявить о своем отказе. Дело в том, что планы ремиляризации страны чрезвычайно непопулярны среди западногерманского населения. Предложение Гротевольда встретило горячую поддержку немецких трудящихся.

Надо сказать, что оно встречено сочувственно и среди значительной части промышленников Западной Германии. Раскол Германии губительно отражается на работе западногерманских предприятий. По признанию самого Аденауэра, запрет торговли Западной Германии с ГПР стоит ежегодно западногерманской экономике 345 миллионов долларов. «Нельзя сделать большой ошибки, — указывает буржуазная газета «Франкфуртер неие прессе», — тем отклонить или преждевременным выдвижением условий затруднить переговоры».

В этой обстановке правительство Аденауэра прибегает к различному рода маневрам, изыскивая различные способы отклонения его предложения. Боюсь народного возмущения и пытаюсь переложить ответственность за отказ от предложений Отто Гротевольда на западные державы, Аденауэр заткнул ответ до 18 декабря, когда в Брюсселе открылось совещание Совета Северо-атлантического союза, на котором рассматривается вопрос о перевооружении Западной Германии.

Однако все эти увертки не спасут Аденауэра. Маршонеточные западногерманские правители в конце концов должны будут предстать перед судом всего прогрессивного общественного мнения Германии.

ЛИТЕРАТОР

О глубине и занимательности

Новый роман Л. Никитина «Россия верные сыны» посвящен событиям, происшедшим на протяжении сравнительно короткого времени: с апреля 1813 года до марта 1815 года — с момента смерти Бутурзова до наполеоновских «Старых». В этот период, как известно, резко изменились отношения России к ее главным союзникам в борьбе с Наполеоном: Англия и Австрия. Убедившись, что Россия нанесла Наполеону решающие удары, и опасаясь усиления русского влияния в международной политике, эти державы организовали антирусскую коалицию. К ним примкнула и только что побежденная Франция, на трон которой Англия усидела Людовика XVIII.

Вероломство недавних «союзников» особенно отчетливо наблюдали наши войска, в то время находившиеся в Европе. Однако наряду с изменением отношения правительств союзных держав к России наши войска ошущали и другое: признательность народных масс Европы, которые только в результате героического подвига русского народа были освобождены от гнета Наполеона — от необходимости отдавать ему своих сыновей для бесконечных войн и разорять собственные хозяйства ради поджога хозяйства Франции.

Отрезок времени, на протяжении которого развивается действие романа Л. Никитина, сравнительно мало отражен до сих пор в нашей художественной литературе, хотя, как видим, время это было весьма своеобразным.

Роман назван «Россия верные сыны». Судя по этому названию, а также по месту действия (оно включает Германию, Францию, Италию, Польшу, Англию, Данию, Австрию, — короче: чуть ли не все европейские страны), мы вправе ожидать, что увидим в романе галерею образов русских людей, только что освободивших Европу от гнета Наполеона.

В центре романа фигура молодого образованного русского офицера Можайского, которого командование использует преимущественно для выполнения деликатных дипломатических поручений. Это человек, сочувственно выслушивающий будущих декабристов, человек, связанный, по словам автора, дружескими отношениями с Николаем Тургеневым, восхищающийся Фигнером (хотя тогда Фигнер, «показывая на поблескивающий в траве афес сабли», говорит, что «вот этим» можно покончить с тиранством владык, — «Можайскому стало не по себе»). Можайскому претит пребывание при дворе, ему отвратительны шаркуны, лязлобы. В эпизоде упоминается, что в 1816 году он вступил в «Союз спасения».

Судьба кидает Можайского из страны в страну, — романтизм это чрезвычайно удобно. Дороги и встречи — канва, на которой сюжет возникает почти автоматически. Можайский — секретарь полупольного Семена Романовича Воронцова в Лондоне — превосходный предлог, чтобы изобразить в хронике знатного вельможу-англомана, очень колоритную фигуру фрондирующего барина. Можайского посылают с пакетом к Александру, — можно показать и самого Александра и его окружение. Александр затем отправляет Можайского к Ермолову, — и вот портрет Ермолова.

Вообще портретов в романе множество. Л. Никитина, «Россия верные сыны». Изд. «Советский писатель». М. 1950 г. 444 стр.

Невольно возникает вопрос: а все ли они нужны?

Например, подробно, красочно, со старанием, заслуживающим лучшего применения, выписан международный шпион, проходящий фон-Геймар, — ему уделено такое внимание в первой половине романа (даже сватовство его описано!), что времена начинают казаться: уж не в перипетиях ли его единборства с Можайским суть романа? И, однако, Геймар исчезает, не сыграв решительно никакой роли в дальнейших судьбах действующих лиц.

Поболее выписана фигура Анели Грабовской, она же Анета Лярош, она же леди Анна Кларк. Это парижанка, вышедшая сперва замуж за польского магната и вследствие этого чуть не ставшая на время «сестриной польской патриоткой», но затем, после смерти мужа, «схватившая и эту родину» и старающаяся, в конце концов, уступить ей, что перед нею, леди Кларк, расшаркиваются австрийские придворные, третированные ее прежде.

Конечно же, эти портреты ни в малой мере не обязательны для галереи, увидеть которую хочет читатель в книге, озаглавленной «Россия верные сыны!».

А между тем, уделяя непомерно большое внимание подобным персонажам, автор не нашел места для изображения вернейших сынов Родины эпохи 1812 года — рядового русского солдата или рядового русского офицера.

Мелькает на страницах Меттерних, Нессельрод, Наполеон, командир наполеоновской старой гвардии генерал Рапп, Талейран, обрусевший англичанин хирург Вилан, молодой Воронцов — Михаил Семенович (той самый, кого навеки последствие залечило Пушкинскими словами эпиграммы: «Полупотоплен, полуневежда...»), принц дель-Дипло — присяжный остряком и пролажная шляпа, онемевший русский вельможа Андрей Кириллович Рауковский. Даже Байрон для чего-то мелькнул на одной из страниц: «бледное лицо, тонкий изгиб бровей и нежный девичий подбородок», «рука небольшая, но сильная и горячая, призывная владеть не только пером, но шпагой и пистолетом».

Портретам, вроде только что приведенного (а имп так и пестрит каждая страница), как будто бы нельзя отказывать во внешней жизни, но ведь ничего нового в трактовке знакомых исторических персонажей они не вносят. Зачем же они? Литературе и обстоятельная улыбка на фарфоровом лице Александра — не новость для читателя. Изворотливость и непрезвученная наглость Талейрана — также. Равно, как давным-давно слышанный читателью о глухоте Бетховена, отягче генерала Раевского, остроумия Ермолова и т. д. и т. п. Иногда дурачная традиционность в изображении известных исторических персонажей подводит романста — в роман проникают чуждые нотки: про Наполеона восторженно говорится: «зоркий провидец», а придворные холуи мило аттестуются, как «справдливые шагуны».

Да, роману Л. Никитина нельзя отказывать в занимательности. Но советский исторический роман причина нашего читателя к значительной большей выскательности, причина искать в романе не только увлекательность, но и большую историческую правду. Такие классические советские исторические романы, как «Петр I», «Степан Разин», «Емельян Пугачев», «Севастопольская стража», «Иван Грозный»,

Писатели Бурят-Монголии в Москве

Вчера в Москву для участия в вечерах бурят-монгольской литературы прибыла группа писателей во главе с заместителем председателя Совета Министров республикой лауреатом Сталинской премии, драматургом Г. Цыденжаповым. В числе приехавших — народный писатель республики Хоца Намсараев, председатель правления Союза советских писателей Бурят-Монгольской АССР пост Ц. Галсанов, ответственный секретарь Союза писателей критик Ц. Дам-

динжапов, заслуженный деятель искусств драматург Н. Болдано, писатели Ж. Тумун, Ц. Очиров, поэты Д. Маласон, Ш. Нимбуев, Ш. Жимбиев, молодые литераторы Д. Гурунгов, Д. Жалсарев, литературоведы М. Хаматинова и А. Тангатович.

Во время пребывания в Москве, с 21 по 27 декабря, бурят-монгольские гости встретятся с трудящимися столицы. Первая встреча с москвичами состоится 21 декабря в Большом зале Московской консерватории. С сообщением об основных этапах разви-

тия бурят-монгольской литературы выступит поэт Г. Цыденжапов.

Общественность столицы познакомится также с лучшими образцами искусства Бурят-Монголии. В литературных вечерах примут участие ведущие артисты республики — солисты оперы и балета, исполнители народных песен и танцев.

В Союзе советских писателей СССР 26 и 27 декабря состоится творческие обсуждения наиболее значительных произведений бурят-монгольской литературы.

«Чингиз-хан» (список можно увидеть), прежде всего ценны тем, что глубоко проникают сквозь внешность явлений в их социальную сущность, выразительно показывают реальное соотношение классовых сил и их расстановку на исторической арене. Это — ценнейшее достижение советской литературы, к стати, дающее себя знать и в произведениях передовых зарубежных писателей (в поруцию очередь упомянем Фаста), и, не понимая этого, не использовав этого в своей работе, современный исторический романист не может рассчитывать на то, что достойно справиться с темой. Но именно этим «Россия верные сыны» неизмеримо слабее только что названных советских исторических романов.

Показывает Л. Никитин, какие изменения претерпевает духовный мир стоящего в центре романа Александра Можайского под влиянием крупнейших исторических событий, ближайшим свидетелем, а то и участником которых Можайский является? Развивается ли этот образ?

Можайский в 1816 году, т. е. год спустя после того времени, которому посвящена последняя глава романа, вступает в тайное революционное общество «Союз спасения», — это сообщает нам в кратком эпизоде. Но ведь, наверно, не таким он вступает в «Союз спасения» в 1816 году, каким мы видим его в начале романа? Как же шло его идейное созревание, привелось ли на путь активной революционной деятельности? Однако Л. Никитин либо молчит об этом, либо отделивает — да и то изредка — фразами, вроде:

«Можайский и Слепцов не раз говорили... о несправедливости, царящей в мире, о беззаконии, о бесовских и жестоких помышлях, о свободе».

Но что говорили? И, главное, что говорил каждый в отдельности? Можайский преимущественно слушает, что говорят на эти темы, сам же... молчит. А почему это молчанье должно было привести его в тайное общество?

На поверку, в произведении Л. Никитина нет главного для исторического романа на тему «Россия верные сыны»: нет показа идейного роста верных сынов России.

В качестве предателя «простого народа» романист выводит Федора Волгина — крепостного С. Р. Воронцова, с пятнадцати лет пребывавшего в Англии и обучающегося там ремеслу оружейника (мы знакомимся с ним, когда ему уже 26 лет). Не приходится говорить, насколько это фигура не типична для русского крепостного. А ведь в галерее образов «Россия верные сыны» это единственный крепостной!

Читается роман легко, каких-нибудь бросающихся в глаза искажений исторических правды в нем нет, а вместе с тем чего-то весьма существенного все время хватается. Это что? — историческая глубина. Если бы Л. Никитин поставил перед собой задачу — первым делом о ней забыть, он не стал бы возможным столь настоятельно приковывать внимание читателя к Геймару, к Анеле Грабовской — персонажам проходным, второстепенным. С другой стороны, автор не смог бы счесть законченной историческую картину «Россия верные сыны», не показав в ней рядового солдата — освободителя Европы — и рядового же строевого офицера, ведущего этих солдат.

Исторический режизит, даже если он и дан в изображении, не в состоянии заменить подлинного проникновения в историю!

Исторический режизит, даже если он и дан в изображении, не в состоянии заменить подлинного проникновения в историю!

Юбилей Д. Петрова (Бирюка)

Недавно общественность Ростова тепло отметила пятидесятилетие со дня рождения и двадцатипятилетие литературной деятельности одного из видных писателей Дона — Дмитрия Ильича Петрова (Бирюка). Д. И. Петров получил приветствия от секретаря ЦК КП(б) Зауралья тов. И. Патоличева, а также от областных и городских партийных организаций. Союз советских писателей, ряда писателей, редакций газет, издательства и других организаций и учреждений.

Вышедший батрак, доброволец Красной гвардии, коммунист с 1920 года, Петров (Бирюк) при советской власти стал автором художественных произведений, пользующихся известностью у читателей.

Глубоко знание жизни и быта донских казаков, правов и обычаев старой и новой советской станицы позволило писателю создать яркие, запоминающиеся произведения о казачестве в прошлом и настоящем — исторический роман о булавинском восстании «Дыкое поле», трилогия «Казак».

Сейчас писатель готовит к печати исторический роман «Вихор-атаман», рисующий участие донских казаков во главе с атаманом Платовым в Отечественной войне 1812 года.

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.)

РАСШИРЕНИЕ МУЗЕЯ Н. ОСТРОВСКОГО

Исполком Московского Совета удовлетворил ходатайство Союза советских писателей СССР о предоставлении дополнительной площади Государственному музею Н. А. Островского.

До конца нынешнего года к квартире, которую занимал писатель на улице Горького, 14, будут присоединены две соседние квартиры. Одну из них предусмотрено превратить в конференц-зал, где можно будет устраивать литературные вечера, читательские конференции и пионерские сборы. Здесь будет демонстрироваться документальный фильм о писателе. В фильм включены кадры, заснятые при жизни Николая Островского. Они показывают писателя в кругу семьи и за работой, диктующего роман «Как закалялась сталь».

В музее будет развернута новая экспозиция, посвященная публицистической деятельности Николая Островского, а также посмертным изданиям его произведений.

Во втором, дополнительном помещении намечено оборудовать консультационный, отдел массовой работы с посетителями, рабочие комнаты научных сотрудников.

После расширения музея сможет обслуживать значительно большее количество экскурсий.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Несколко слов о господине Пыхтине

Перечитав я недавно статьи Белинского о Пушкине, помеченные в третьем томе собрания избранных сочинений 1948 года (Гослитиздат. Редактор III тома В. Кулешов).

На стр. 546 III тома в статье о «Евгении Онегине» у Белинского сказано:

«Каким мотыльком, какие пчелы могли знать этот цветок или плышеться им? Разве безобразные слепцы, оводы и жуки, вроде господина Пыхтина, Буянова, Петушкова и тому подобных?»

К этим словам В. Г. Белинского редактор сделал такое примечание: «Пыхтин среди гостей Ларинных не упоминается» (стр. 884).

Это примечание полностью опровергает (или поправляет) не только Белинского, но и самого Пушкина, так как в строфе 26 главы 7 «Евгения Онегина» мать Татьяна, старушка Ларина (ей-то, конечно, лучше знать, кто гостил у них и кто не гостил!), говорит:

Гусар Пыхтин гостил у нас; Уж как он Танюе прельщался, Как меклим бесом рассылался! Я думала: пойдет авось; Кула! И снова дело врозь... и т. Д.

Считаю, что такое замечательное произведение, как «Евгений Онегин», заслуживает более внимательного отношения редактора, да еще в таком серьезном издании, как избранные сочинения В. Г. Белинского.

Инженер-капитан СЛОБОДИН

А. ДЫМШИЦ

Давно пужна новая книга о великом немецком поэте Гете, содержащая объективный исторический анализ его творчества с живым отношением к нему человека социалистической эпохи.

Отношение классиков марксизма-ленинизма к творчеству Гете учит тому, что без любви к нему, без восприятия его творчества, как живого, действенного наследия, не может быть создана хорошая работа о Гете. Думается, что именно это прочувствовала М. Шагинян, когда она взялась за свою работу. И именно поэтому ей удалось написать хорошую книгу о великом поэте, в которой умный анализ последователя проникнут живым чувством нашего современника.

Гете показан М. Шагинян как замечательный поэт, пост неукротимой творческой мысли.

Хорошо понимая и обстоятельно показывая исторически обусловленные противоречия и слабости в творчестве Гете, М. Шагинян вместе с тем выкладывает в нем прежде всего его ведущие, прогрессивные черты. Ее книга проникнута здоровым рисующим преемственностью. В ней Гете живет, как автор бессмертных революционных строк, столь близких сердцу каждого советского человека:

Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день за них идет на бой!

Эту сильную сторону восприятия Гете в книге Шагинян хочется особенно подчеркнуть, ибо она свойственна далеко не всем нашим литераторам, занимавшимся творчеством Гете. Иные из них все еще склонны идеализировать и канонизировать слаботы его мировоззрения или проходить мимо бесспорно прогрессивных черт его творчества. Ярким примером эстетско-идеалистического подхода к Гете может служить попытка поэтической интерпретации «Фауста» в новом переводе Б. Пастернака, идейно-порочный характер которого убедительно вскрыт в статье Т. Мотылевой («Новый мир», № 8). В том же одностороннем («выпущенном Гослитиздатом») же папелатан пастернаковский перевод «Фауста», имеются и другие примеры ложной интерпретации гетевских текстов. Приведем один из них, достаточно разительный.

Как известно, на лейпцигском процессе великий революционер Георгий Димитров, желая выразить позицию борьбы за революционные идеалы, бросил в лицо фашистам пятаку из Гете, которого назвал «величайшим поэтом Германии». Г. М. Димитров привел по памяти одно из самых замечательных лирических произведений Гете, которое в новом одностороннем переводе В. Вильмонта:

В путь! Покорствуй указанию, Как ступать тропинкой правды, Заглянув, друг мой! На весах судьбы лукавой Редко дремлет стрелец! Приляжись к их колеблюм? Кто ты? Победитель новый? Или сам в полон попался? Вираду ли молотом подылся Или наковальной лед?

Прочитав этот перевод, читатель вправе удивиться: да что же такого в этом стихотворении, спросит он, чтобы товарищ Димитров мог цитировать его, как программное? Но дело в том, что В. Вильмонт своим переводом искажал гетевский текст, лишил его революционного темперамента. Почему-то В. Вильмонт приписал Гете позу созерцателя, приняв в стихотворение вопросительные интонации, навязав Гете сороклетнее-двухлетнее обращение «другок». И в результате, стихотворение волевое, призывное, воплощающее действительное отношение к жизни, оказалось уничтоженным. А между тем в стихотворении, которое цитировал Г. М. Димитров, говорится, что:

На весах великих счастья Чашам редко дан покой;

В нем содержится боевой призыв к изменению действительности:

Должен ты иль подыматься, Или долу опускаться, Властью — или покоряйся, С торжеством — иль с горем знайся,

М. Шагинян, «Гете». Изд-во Академии наук СССР. Москва — Ленинград, 1950 г. 192 стр. Серия «Итоги и проблемы современной науки».

Книга о Гете

Тяжким молотом звонялся — Или наковальной ствой.

Достоинства книги Шагинян и заключаются прежде всего в том, что передовые философские и поэтические тенденции Гете анализируются ею конкретно-исторически, как одна из вершин прогрессивной мысли в Германии гетевских времен, как одна из вершин прогрессивной мысли буржуазной эпохи.

Творческий труд Гете был грандиозен. Совершенно естественно, что в сравнительно небольшой книге Шагинян не мог бы охватить все стороны его многогранного гения. Но много принципиально важных вопросов освещено в ее работе. Здесь и преносимый анализ новаторской роли Гете — художника слова, и тонкие характеристики лирики Гете, его прозы, его великого «Фауста», его научных работ. Шагинян с большой последовательностью показывает творческие владыки Гете, его гитогические для своего времени идейные подтемы и вместе с тем социальную и историческую грани его возможностей. Ее исследование шаг за шагом подтверждает классическое определение Энгельса: «... Гете то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филлистер».

Две заключительные главы книги — «Борьба за Гете» и «Наследство Гете» — имеют остро-актуальное значение. В них Шагинян с непреодолимой ясностью устанавливает огромную роль русской классической критики в научном изучении наследия Гете и ведет активную борьбу против современных деклантов — реакционных «мыслителей» Англии, Франции, США и Западной Германии, пытающихся, в соответствии с империалистскими замыслами американских империалистов, объявить Гете «дла ли не одним из родоначальников «идеологии» космополитизма. В противовес реакционным фальсификаторам истории Шагинян показывает нам Гете — борца за духовное и политическое единство своего немецкого отечества. Гете — живого, мудрого, страстно заинтересованного судьбой народнои, жгучелюбивого, горячего оптимиста, горячего, настоящего патриота.

Жаль, однако, что Мариятта Шагинян, правильно разоблачая попытки космополитических «истолкований» Гете, не подчеркнул того обстоятельство, что первым, кто нанес сокрушительный удар космополитическим интерпретаторам великого немецкого поэта, был Фридрих Энгельс. Именно Энгельс в статье против Карла Гропа и негодующим отверг космополитическое определение Гропа, которое заключалось в том, будто Гете не мог стать национальным поэтом, так как он был привязан к поэзии человечества. Энгельс изобличил националистическую идеологию космополитической фразеологии Гропа, когда писал: «Гроч восхваляет всякое колдество Гете, как чудеса естество, он превращает франкфуртский чинчик в Гете в «истинного человека», может тем как все колоссально и гениально он обходит или даже оплевывает до такой степени, что эта книга представляет блестящее доказательство того, что человек — не немецкому месту и ни в». (Письмо к Марксу от 15 января 1847 г.). Так Энгельс более ста лет тому назад зашипл принадлежал немецкой демократии и всему передовому человечеству наследие Гете от мирового империализма и космополитизма, в основе которого, как отмечали в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, лежит узко-национальное мировоззрение, т. е. под лояльно-космополитическую внешностью скрывается идеология зверяного буржуазного шовинизма.

Тема «Гете» во впервые возникает в творчестве Шагинян. В годы первой мировой войны она написала, а в первые годы революции издала ошибочную книжку — «Путешествие в Веймар». Книжка эта осталась в далеком прошлом. И если в ней было хоть что-нибудь доброе, так это только чувство искренней любви к поэзии Гете. Это чувство Шагинян сохранила, но оно неупуаноемо изменилось, стало критичным, зрым, отразив ее идейно-философский рост.

«Гете» М. Шагинян — умная и боевая книга. Читатель с благодарностью оценит мысль и труд, вложившие писательницей в эту интересную литературоведческую работу.

Вчера в Москву для участия в вечерах бурят-монгольской литературы прибыла группа писателей во главе с заместителем председателя Совета Министров республикой лауреатом Сталинской премии, драматургом Г. Цыденжаповым. В числе приехавших — народный писатель республики Хоца Намсараев, председатель правления Союза советских писателей Бурят-Монгольской АССР пост Ц. Галсанов, ответственный секретарь Союза писателей критик Ц. Дам-

динжапов, заслуженный деятель искусств драматург Н. Болдано, писатели Ж. Тумун, Ц. Очиров, поэты Д. Маласон, Ш. Нимбуев, Ш. Жимбиев, молодые литераторы Д. Гурунгов, Д. Жалсарев, литературоведы М. Хаматинова и А. Тангатович.

Во время пребывания в Москве, с 21 по 27 декабря, бурят-монгольские гости встретятся с трудящимися столицы. Первая встреча с москвичами состоится 21 декабря в Большом зале Московской консерватории. С сообщением об основных этапах разви-

тия бурят-монгольской литературы выступит поэт Г. Цыденжапов.

Общественность столицы познакомится также с лучшими образцами искусства Бурят-Монголии. В литературных вечерах примут участие ведущие артисты республики — солисты оперы и балета, исполнители народных песен и танцев.

В Союзе советских писателей СССР 26 и 27 декабря состоится творческие обсуждения наиболее значительных произведений бурят-монгольской литературы.

М. ФОФАНОВА НАРОДНОЕ ИСКУССТВО УЗБЕКИСТАНА

Искусство народных мастеров Советского Союза давно приобрело мировую известность. Художники Палеха и Мстеры, вошедшие в историю искусства, северные резчики по кости, ковровщики Туркмении, казакские мастера чеканки по серебру продолжают в своих работах совершенствовать веками формировавшееся народное искусство и создают чудесные художественные вещи.

Прекрасно и многообразно искусство узбекского народа. Многочисленные памятники старины свидетельствуют о высоком развитии архитектуры и прикладного искусства — резьбы по камню и дереву, керамики, глазури, наконец, гончарного производства, украшенного тончайшим и сложным, чистым по рисунку художественным орнаментом. Все это — результат труда, мысли, фантазии, огромного мастерства, передавшегося из поколения в поколение, от отца к сыну, от мастера к ученику. Это произведения, которые поблдали время, потому что они — создания народного гения.

Образцы искусства Узбекистана — не только памятники старины. В законченном строительстве уже после войны Театре оперы и балета имени Навои в Ташкенте воплощено лучшее, что веками хранили в памяти народные мастера республики. Наряду с учениками, строителями, архитекторами в оформлении и отделке театра принимали участие десятки резчиков по ганчу (глине), которые приехали из различных областей и особенно искусства каждой из них внесли в живую ткань орнаментов. Ими одного из мастеров — резчиков по ганчу широко известно в нашей стране. Это усто* Ширин — почетный академик, лауреат Сталинской премии.

Народ знает своих усто, уважает и ценит их искусство.

* Усто — мастер.

Министерство легкой промышленности Узбекистана, Союз промышленной кооперации могли бы объединить народных мастеров во все профилей и организовать выпуск изделий, имеющих высокую художественную ценность. Однако у министра легкой промышленности тов. Пасырова возникла опасения, что при такой постановке вопроса производство не будет рентабельным и принесет убытки. Так это или не так — не может точно ответить сам товарищ Пасыров. А пока что никто в республике не заботится о том, чтобы сохранить и развивать тонкое и самобытное искусство народных мастеров.

В 1938 году в Самарканде состоялась первая и единственная конференция народных мастеров Узбекистана. На этой конференции мастера поставили два вопроса, сформулированных очень просто: во-первых, они хотят практически применять свои мастерство, во-вторых, чувствуют необходимость передать свой опыт. Оба эти вопроса остаются неразрешенными до настоящего времени.

Руководители Союза архитекторов, Союза художников, которые, казалось бы, кровно заинтересованы в сохранении и развитии народного искусства, иногда производят репч о народных мастерах, но практически ничего не предпринимают для создания художественной школы и ремесленного училища народного мастера. Творческие союзы Узбекистана ССР, Министерство легкой промышленности, руководители органов промышленной кооперации должны принять срочные меры к тому, чтобы национальные художественные промыслы не только не угасали, но получали дальнейшее развитие.

П. КРАЙНОВ
Обзор военных действий в Корее

На всех участках корейского фронта части Народной армии продолжают вести наступление. После занятия порта Хэчжу (центральная часть западной Кореи) Народная армия, как сообщает корреспондент агентства Рейтер, выбила 17 декабря войска интервентов из города Ионьян, важного узла коммуникаций на пути в Сеул и расположенного в 12 километрах южнее 38-й параллели.

Развивая успех, наступающие части Народной армии гонят врага все дальше на юг, освобождая от захватчиков город за городом. Бразавильское радио передает, что новая линия обороны войск интервентов на левом фланге прорвана. Народная армия освободила важный узел коммуникаций — город Кайсан. На западном побережье освобождены все города и села севернее 38-й параллели.

Народная армия наступает также на центральном участке фронта, в районе городов Чхунчхон и Йончхон. Здесь лысымановские войска пытались удержать свои позиции. Однако, как указывает корреспондент агентства Рейтер, войска Народной армии глубоко вклинились в оборону противника. Некоторые части лысымановцев попали в окружение. Народная армия уничтожает сейчас противника в этих «котлах».

Осложненные схватки происходят в районе порта Хыннам на восточном побережье. Освоив 16 декабря город Хамхын, части Народной армии и китайские добровольцы прижали войска противника к берегу около Хыннама, где под прикрытием авиации и корабельных орудий с моря продолжается спешная эвакуация интервентов.

Судя по сообщениям иностранных корреспондентов, положение прижатых к морю интервентов является плачевным. Так, корреспондент агентства Рейтер передавал 16 декабря, что эти войска уже третий день подряд подвергаются атакам. «Многие американцы», — отмечает корреспондент агентства Юнайтед Пресс Чеймон, — были убиты во время отступления из Хамхына».

Командир американской 3-й дивизии генерал-майор Соул — как сообщает корреспондент агентства Юнайтед Пресс, — говоря об атаках частей Народной армии и китайских добровольцев, подчеркнул: «Они большие мастера подкрадываться и проникать по ночам в расположение войск противника, и их атаки ужасающи».

Наряду с успешными наступательными действиями Народной армии продолжается дальнейшая активизация боевых действий корейских партизан в тылу врага. Патриоты освободили город Чхунчхон и прилегающий к нему район.

НА ПРИЗЫВНОМ ПУНКТЕ В АМЕРИКЕ

— Мне говорят, что США в опасности. Где я должен защищать свою страну?
— За 6.000 миль отсюда — в Корее.
Рисунок художника Вердини из итальянского журнала «Виза нуова».

Н. РАЗГОВОРОВ

Книга, удостоенная Золотой Медали Мира

Необычна история этой книги. Задолго до того, как она попала в руки своих первых читателей, ее уже знали десятки тысяч людей. Это были смелые люди, верные сыновья и дочери французского народа. Жестокая кара могла постигнуть каждого из них за то, что они хранили в своей памяти и передавали другим странную для иностранцев историю, которая не могла быть рассказана ни в одной стране Европы. Да, это история войны, и вместе с тем это дневник страстного патриота, пламенного борца против фашизма.

Забывшись в красную пору, строчил в эти годы свои мемуары предатель Андре Жил, лауреат «нобелевской премии мира». Устами Жана Ришара Блока отвечала вишневскому летописцу и его хозяевам непокоренная, сбрасывающая за свою свободу Францию: «Неслыханное в истории предательство совершили французские правители. Они нанесли Франции одновременно удар в спину и удар в сердце. Но французский народ сумел подняться. Он презрел свои раны. Он готов к битве. Он заклеймил позором предателей, добровольно обреченных Францию на гибель... Верз в себя и сплоченность вернула ему силы. Единство, единство в борьбе и для борьбы — вот тот рычаг, который поднимает с земли поверженную Францию».

— Единство, единство в борьбе и для борьбы, — говорят сегодня французы, — привело нас вчера к победе над врагом; сильное в своем единстве, сегодня мы сорвали планы похитителей войны.

Незадолго до Парижского конгресса сторонников мира газета «Юманите», публикуя одно из выступлений Жана Ришара Блока, писала, что произнесенные им слова не устареют, что они звучат так, как если бы «Жан Ришар Блок был грек и его могучий голос раздавался в лагере борцов за мир».

И, действительно, призывом к сплочению своих рядов, к неустанной борьбе за мир звучат сегодня слова Жана Ришара Блока, обращенные к французскому народу: «Французский народ, французская интеллигенция знает только одного, «искомого», «векового» врага, — это все те, кто хочет лишить Францию национальной независимости, все те, кто полагает на право народа решать судьбу своей страны. Эти «искомые» и вековые враги находятся не только за пределами Франции, но и внутри». Эти слова Жана Ришара Блока звучат сегодня французскими тружениками, интеллигенцией к новому сопротивлению, к решительной борьбе с американскими империалистами и их французскими лакеями.

Алексей Максимович Горький, говоря о Жане Ришаре Блоке, называл его человеком, относящимся к тому разряду людей, «которые умеют ненавидеть, но умеют и любить».

Саморазоблачение агрессоров

Американская авиация не прекращает своих беззаконных и провокационных нарушений воздушных границ Китайской Народной Республики. Бомбы, сбрасываемые военно-воздушными гангстерами, стирают с лица земли дома мирных китайских жителей и убивают ни в чем не повинных женщин, стариков и детей.

Таким образом, гневное заявление представителя Китайской Народной Республики У Сю-цэня, сделанное им на заседании Совета Безопасности 28 ноября и гласившее: «Руки американских империалистов обрызганы кровью китайского народа», верно и сейчас в буквальном смысле слова!

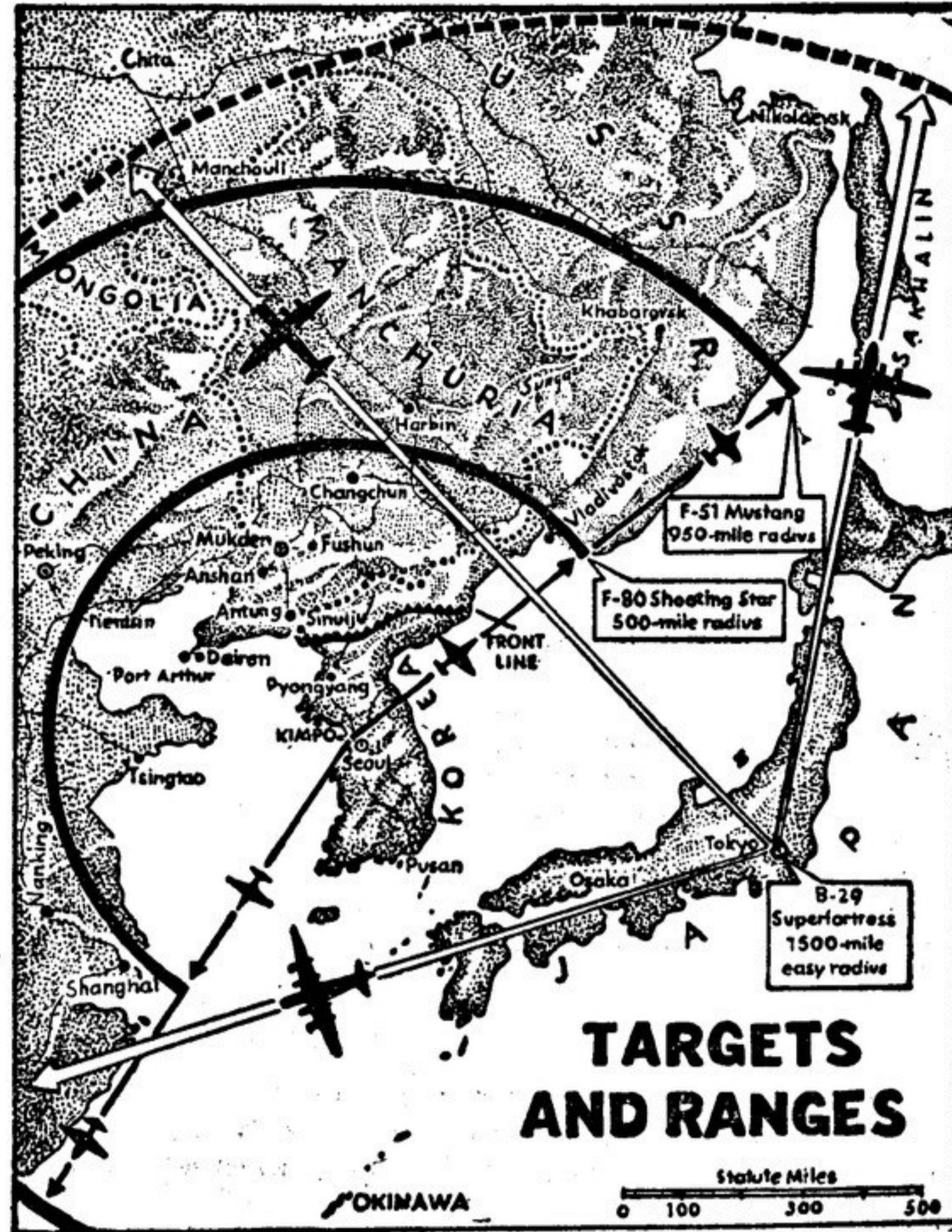
Адвокаты американской агрессии Даллес и Остина, припертые к стене неопровержимыми фактами, пытались найти лазейку в том, что объявили варварские бомбардировки, производимые авиацией США, «случайными!»

Однако эти попытки Даллеса и Остина смехотворны и полностью опровергаются действительным положением вещей.

Сотрешая хотя бы на опубликованную 20 ноября в американском журнале «Ньюсуик» пространную статью под названием «Ключ к конфликту...». Эта статья, по сути дела, не оставляет камня на камне от «аргументации» американских делегатов в ООН и выдает существование детально разработанного плана варварских бомбардировок городов народного Китая авиацией США.

Характеризуя эти планы, журнал «Ньюсуик» пишет: «...Если дипломатия не сумеет достичь компромисса в Коре, то следующим шагом будут действия военно-воздушных сил Соединенных Штатов, которые, как далеко простирающиеся руки возмездия, ударят по базам, коммуникациям и промышленности всей Маньчжурии и Северного Китая».

Как было указано в заявлении председателя Центрального народного правительства Китайской Народной Республики, за период с 27 августа по 10 ноября американские самолеты 90 раз нарушали кай-тайскую воздушную границу и производили бомбардировки, результатом которых явились жертвы и разрушения.

Полпысь под картой гласит: «Самые большие города Китая легко достигимы для американских самолетов». Далее в статье говорится: «Весь район объектов в Северном Китае расположен в легкой доступности для «сверхкреостей» радиусе в 1.500 миль (нормальный радиус действия «Б-29» — 2.000 миль). Буквально вся Маньчжурия находится в радиусе действия «Мустангов Ф-51», базирующихся на Кымпо в Корее. Даже реактивные самолеты «Штутинг стар Ф-80» — истребители-бомбардировщики, снабженные бензобаками в крыльях, — могут достичь южнокорейского промышленного пояса с базы в Кымпо».

АМЕРИКАНЦУ В КОРЕЕ

Семен ГУДЗЕНКО

Что?
Рождественский сохнет шпрот?
Не понаст тебе, парень, на праздник!
Нет конца у нечестных дорог — у обратных, кружных, непролазных.
Из Кореи ты выбраться рад, да трези тебя в рай не пускают.

Что?
Недаром теперь Сталинград все забывают вспоминать.
На коротких привалах с тоской, в ожидание суровой расправы, им мерещится берег морской и корабль, улывающий в Штаты.

Что?
Нелегкое дело — война?
Пот солёный глаза тебе выжёт.
Здесь не очень похожа она на красивые выдумки книжек.
На солдатских погодах, где ты скоро место получишь по праву, в нахлобученных касках кресты держат строго равнение направо.
Ты узнал здесь и горечь утрат, и шмящую боль под шинелью.

Что?
Несладко быть сутра подраяд для упрямого снайпера целью — цепеньку на студеном ветру

под тяжёлым оптическим взглядом, как сурок, забывшись в вору, турка вытолкая в спину прикладом.

Да!
Нелегкое дело — война, — беззадачное, если народу вечным рабством и смертью она заменить захотела свободу.
Руки вверх!
Поздно будет потом, не поспеешь ты, парень, и к пасхе, — прорастешь из кургана крестом, как на Волге, в простреленной каске.

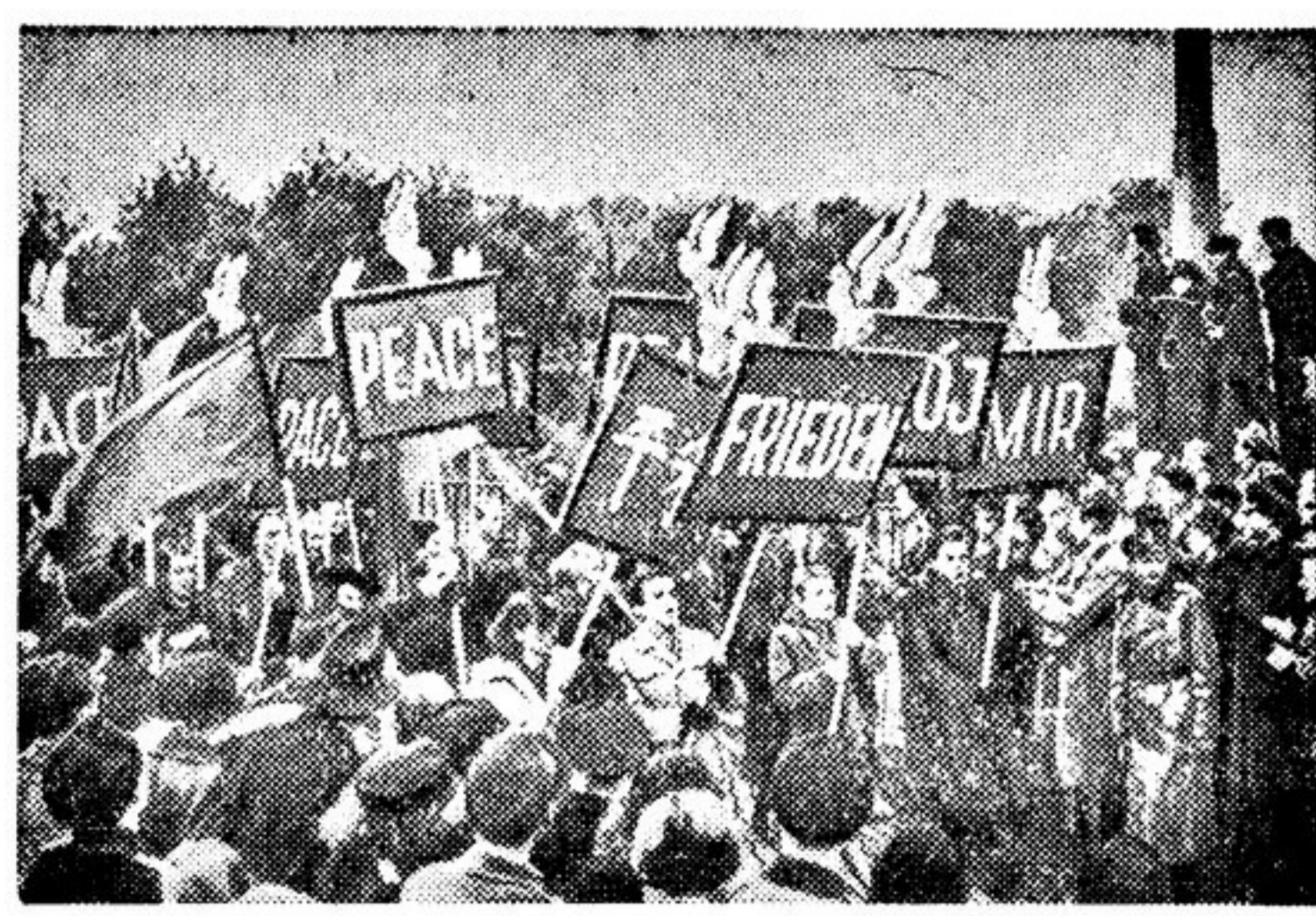
Жан ФРЕВИЛЬ
НИКОГДА!

Ниже мы печатаем стихи французского прогрессивного писателя и публициста Жана Фревиля, опубликованные в его недавно вышедшей книге «С Морисом Торезом».

Лякен доллар! Вас злоба ослепила!
Успели вы забыть, что так недавно было,
История урок великий и простой.
Но в памяти своей хранят его народы,
И никогда на первенца Свободы,
На землю русскую,
Мы не пойдём войной!
Мы жадим мир! Франция народ
За доллары страну свою не продаст —
Он хочет сам владеть своей землей!
На тех, кто нас своим примером окрылил,
На тех, кто нам сердца надеждой озарил,
На Родную Весну,
Мы не пойдём войной!
В тот черный год, когда вы продались врагам,
С Востока яркий луч светил в застенках нам —
В чью сторону меркнула звезда
Великий Сталинград, маяк свободы, мир!
Нет! На его бойцов и командиров,
На сыновей Кремля,
Мы не пойдём войной!
Пусть старый, дряхлый мир торопит смерть свою!
Пусть слухит он — не мы — покойной воровью.
Кто хочет, чтоб опять струилась кровь рекой?

Народу русскому ни с кем войны не надо!
Для мира вновь возвел он стены Сталинграда.
На мир строителей
Мы не пойдём войной!
Лучи весенних зорь несут из дома в дом
Свет будущих веков, горящий над Кремлем,
И песня гордая обходит шар земной —
О людях, что в груди свершают чудеса,
О людях, чья страна цветет, как дивный сад,
На мирный Сад Труда
Мы не пойдём войной!
Мы знаем, где враги.
Мы знаем, где друзья.
Мы помним Сталинград.
Нас обмануть нельзя.
Народы мир любят.
И выше всех людей
Советский человек вздымает жолот свой!
Советская страна — страна твоих друзей.

Не! На нее ты не пойдешь войной!
Перевел с французского Н. РАЗОВ

Немецкий город Циттау расположен на ссрещении границ трех государственных республик — Германской демократической республики, Польши и Чехословакии. Недавно в Циттау состоялась встреча молодежи этих трех стран с целью укрепления единства в борьбе за мир. На фото: один из моментов этого события — участники встречи, приветствуемые жителями города, несут плакаты со словом «мир», написанным на многих языках. Снимок из немецкого журнала «Нейе Берлинер иллюстрирте».

СКАНДАЛ В БЕЛГРАДЕ

В стане продажных писаек из югославской бульварной прессы смятение: «сам» Тито выступил с упреками по их адресу. Что случилось? Ведь, кажется, Ранкович, этот титовский Гимлер, упрятал в тюрьмы и концентрационные лагеря всех настоящих югославских писателей и журналистов, гадливо отвернувшись от предателя Тито. Ведь белградский Геббельс — Джалас собрал вокруг себя, казалось бы, самых надежных «литераторов».

Ну разве найдешь лучших апологетов титовского режима, чем американско-английский шпион Владо Дедер, чем тропический провокатор Чезомыр Мингероич, чем бывший посланник короля при Гитлере Иво Андрич? Да и Бранко Чопич, Скелдер Куленович, Марьян Юркович, разве плохо освоили они жессоциалистическую фразеологию преступной белградской шайки и не проявляют рвения в выполнении заказов Джаласа?

Пусть все оно — бездарная литературная сонка, но зачем фашистам литературные таланты? Важно то, что американский гаулейтер Тито не мог пожаловаться на недостаток на страницах «Нижевние новине» и других фашистских листов антисоветской клеветы, пропаганды войны, порнографии и восхваления его режима. Нет, было сделано все, чтобы «не выносить сора» из титовской избы.

И вдруг... Вдруг правая югославская клика обнаруживает в статьях одного из своих апологетов проблески объективного суждения. Трудно, конечно, предположить, что Бранко Чопич, написавший эти статьи, и редакция газеты «Нижевние новине», поместившая их, сознательно хотели навредить на себя гнев фашистских властей.

А это незамедлительно произошло. Газета «Борба» (югославский вариант «Фелькшербер боехтер») тут же обрушилась на Чопича с проклятиями в огромной статье, печатавшейся в двух номерах подряд. Статья носила вызывательное название: «Геройство Бранко Чопича».

В чем выразилось это «геройство»? Оказывается, Чопич, несомненно обуреваемый жаждой выслужиться перед фашистской кликой, просто-напросто восторженно описал, как изволит развлекаться господина министры и госпожи министерства на правительственном курорте «Дубровник». Борюсь объедами с их рсточительного стола, Чопич и не подумал, какой резонанс может вызвать описание этой развратной жизни титовской верхушки среди ограбленного и голодного народа, чей дух титовцы отали по приказанию запрывой Уола-стрита на отором западногерманских биргеров и ремилитаризуемых гитлеровских генералов, английских тори и итальянских нефашистов.

Заживо гниющее, в страхе отторжающееся от народа с помощью автоматов гестаповцев Ранковича, титовское высшее чиновничество представляет собой картину еще более отвратительную, чем та, которую видел югослав при Каргеоргиевиче.

Чопич, — рычит «Борба», — захотел стать наилучшим героем на литературном поприще, который свободно может ставить под бич критики любого, кто, по его мнению, этого заслуживает. Но на этом дело не кончилось. «Преступление» Чопича, нечаянно намекующего на правду, было распешено в Белграде как весьма серьезное, и тогда-то вот в дело вмешался сам главарь шпионской банды Тито, страдающий, как известно, подобно своему учителю Гитлеру, недержанием речи, воспользовавшись для этого трибуной сознательно в Белграде женского сезда.

Он ялет, он напшал жолж, — истерически закрывая глаза, визжал белградский бюрократ... Я читал эту статью и увидел в ней намеки на наших виднейших руководителей. Бранко Чопич цитирует одного министра, а затем заместителя министра... Мы не потеряли таких сатир... Нетрудно догадаться, почему статьи титовского писателя повергли фашистскую свору в такой ужас. Ему было поручено лгать и клеветать на Советский Союз, страны народной демократии и весь лагерь мира, восхвалять клику Тито и ее империалистических хозяев. А он что? Он берется писать о тщательном упитанном от глаз народа «Дубровнике» да «прикрывается» еще моими словами» — негодует белградская госпожа «собер-министерша» — Тито.

Стоило только Чопичу чуть-чуть тронуться до скропуны титовского режима, как оттуда посыпалась гниль, как следами прочь дрыгало покрывало жессоциалистической фразеологии и югославский фашизм предстал пред всеми во всем своем зверином облике. Есть от чего прйти в ужас!

«Как всегда, — пишет бойгарская газета «Работническо дело», — тот, кто осмелится открыто сказать правду о титовцах, будь он даже выходец из титовских кругов, расценивается как «агент Информационного бюро коммунистических партий». Именно это заявил Тито о Бранко Чопиче. Для подобных людей у титовцев есть лишь тюрьмы, концентрационные лагеря и виселицы».

...Сыпается гниль из всех порох титовского режима... Чем бы ни закончилось смятение в стане белградской бульварной прессы, вызванное окрикком главаря фашистской клики, продажные яловитые перья не помогут продлить существование продажного гестаповского режима Тито-Ранковича.

Вл. ФЕДОРОВ
По столбцам иностранной печати

«Вспыльчивый человек» в Белом доме

Нашумевшее своей грубостью письмо Трузмана критику Хьюму вызвало немало откликов в американской печати, высеивающей эту выходку президента.

Однако пресловутое письмо Трузмана поперло многих комментаторов и в уныние, толкнуло на грустные размышления. Так, например, газета «Крисчен сайенс монитор» высказывает от имени «очень многих американцев» опасения в том, «не будет ли проявляться такая вспыльчивость и при принятии серьезных государственных решений».

Небезызвестный буржуазный журналист Пирсон — и тот впал в минор. «Несдержанность Трузмана все больше и больше являет на государственную политику. Поспешно принятые раздражительным человеком решения могут отразиться на жизни миллионов людей».

Осуждая и даже высмеивая объявленное Трузмэном «чрезвычайное положение» в США, газета «Чикаго трибюн» пишет без обиняков: «Единственное действительно чрезвычайное положение, которое грозит нашей стране, вытекает из того факта, что г-ну Трузмэну предстоит еще оставаться два года на посту президента. Эта проблема была бы разрешена его отставкой, а не какими-либо новым заявлением, которое он может сделать».

В довершение всего священник Уильям Олдерсон счел своевременным сочинить спелосную молитву, в которой содержится такая просьба, адресованная самому богу: «Избавь нас от опасности, которую несет миру вспыльчивый человек с атомной бомбой в руках».

Но «вспыльчивость» Трузмэна — лишь одно из микропроявлений той политики военной истерии, какую Белый дом столь усердно рождагает по приказу американских монополий. Неудивительно, что люди, непрестанно орудующие в международных отношениях бронированным кулаком даже без перчатки, не могут и в личной жизни воздержаться от хамства...

Каков «приход», таков и «поп». А приход, как известно, размещен в данном случае на Уола-стрите...